

Людмила Улицкая

Детство сорок девять

С картинками Владимира Любарова

Людмила Евгеньевна Улицкая

Детство сорок девять (сборник)

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3947045

Детство сорок девять/Людмила Улицкая; ил. В.Любаров: Астрель;

Москва; 2012

ISBN 978-5-271-42438-0

Аннотация

Война кончилась, а детство продолжалось. Бедное, но ведь и чудесное, каким и должно быть детство... Чтобы потом сложилась целая жизнь.

Содержание

От автора	6
Капустное чудо	9
Восковая уточка	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Людмила Улицкая

Детство сорок девять (сборник)

От автора

«Люся У. и Вова Л. были здесь» – написано на переплете нашей общей с Владимиром Любаровым книги. В этом заборном высказывании заключена правда: мы с Володией действительно прожили всю жизнь рядом. Родились в одном году, ходили в московские школы с гипсовым кудрявым вождем в вестибюле. Нас водили в Музей Революции и в Музей подарков Сталину. Мы ходили на каток, прикручивая к валенкам коньки с помощью оструганных палочек. Играли в лапту, проводили летние каникулы в пионерских лагерях. Поступив в институт, были отправляемы «на картошку». Испытывали тоску и отвращение на профсоюзных собраниях. Обзаводились друзьями-единомышленниками, многих из них провожали в эмиграцию, а сами уезжали отдыхать на север России – в Вологду и на Белое море, или на юг, в Крым.

Однако несмотря на то что наши жизни шли параллельным курсом, познакомились мы совсем недавно, и как-то само собой выяснилось, что мы занимаемся очень похожим делом, только материал, с которым мы работаем, разный. Но совпадений в видении окружающего мира и людей, его населяющих, оказалось очень много: герои моих рассказов, посвященных детству, жили своей отдельной жизнью на листах Владимира Любарова и просто требовали воссоединения.

Мы сложили наши детские воспоминания, и они сошлись замечательно: улица Каляевская, где жила в детские годы я, оказалась удивительно схожа с улицей Щипок, где жил он. Более того, не только дома и дворы, кошки и палисадники – схожими оказались и люди, обитающие в местах нашего детства.

Капустное чудо

Две маленькие девочки, обутые в городские ботики и по-деревенски повязанные толстыми платками, шли к зеленому дощатому ларьку, перед которым уже выстроилась беспросветно-темная очередь. Ждали машину с капустой.

Позднее ноябрьское утро уже наступило, но было сумрачно и хмуро, и в этой хмурости радовали только тяжелые, темно-красные от сырости флаги, не убранные после праздника.

Старшая из девочек, шестилетняя Дуся, мяла в кармане замызганную десятку. Эту десятку дала Дусе старуха Ипатьева, у которой девочки жили почти год. Младшей, Ольге, она сунула в руки мешок – для капусты.

– Возьмите, сколько унесете, – велела она им, – и морквы с килограмм.

Было самое время ставить капусту. Таскать Ипатьевой было тяжело, и ноги еле ходили. К тому же за то время, что девочки жили у нее, она уже привыкла, что почти всю домашнюю работу они делают сами – легко и без принуждения.

К старухе Ипатьевой, по прозвищу Слониха, девочек привезли в конце сорок пятого года, вьюжным вечером, почти ночью. Они приходились внучками ее недавно умершей сестре и были сиротами: отец погиб на фронте, а мать умерла годом позже. И соседка привезла их к Слонихе: ближе родни у них не было. Ипатьева оставила их у себя, но без большой радости. Наутро, разогревая на плите кашу, она бормотала – привезли, мол, на мою голову...

Девочки испуганно жались друг к дружке и исподлобья смотрели на старуху одинаковыми круглыми глазами.

Первую неделю девочки молчали. Казалось, что они не разговаривают даже между собой, только шуршат, почесывая головы. Старуха тоже молчала, ни о чем не спрашивала и все думала большую думу: оставлять их при себе или сдать в детдом.

В субботу она взяла таз, чистое белье и девочек, волосы

которых были заранее намазаны керосином, и повела их на Селезневку в баню. После бани Ипатьева впервые уложила их спать на свою кровать. До этого они спали в углу, на матрасе. Девочки быстро заснули, а Ипатьева еще долго сидела со своей подружкой Кротовой. Выпив чаю, она сказала:

– Господь с ними, пусть живут. Может, неспроста они ко мне на старости лет пристали.

А девочки, словно почуяв, что их жизнь решилась, заговорили сначала между собой, а потом и со старухой, которую стали звать бабой Таней. Они обжились, привыкли к новому жилью и к Слонихе, только с городскими ребятами не сошлись: их игры были непонятны, интереснее было сидеть в комнате, возле швейной машинки, слушать ее неровный стук и подбирать лоскутки, падающие на пол: Ипатьева брала работу – если повезет, то из нового, но больше кому перелицевать, кому починить...

Теперь девочки шли за капустой, и Дуся прикидывала, ку-

да же они ее поставят: бочонка в хозяйстве не было. В дырявом кармане Дусяного пальто, кроме десятки, лежала еще и картинка из журнала с нарисованным желтым зубастым японцем, замахнувшимся кривым ножом на кусок географической карты.

Подтерев сестре нос, Дуся опустила замерзшие пальцы в карман и нащупала десятку скатанную трубочкой.

– Большая, а носа вытереть не можешь, – проворчала она точно так, как это делала Ипатьева, и снова сунула руку в карман. Ее замерзшие пальцы не почувствовали десятирублевки и скатали поудобней в трубочку желтого японца. Измятая десятирублевка обиженно скользнула в дыру кармана и полетела вдоль мостовой вместе с бурыми промерзшими листьями.

Сестры встали в хвост недлинной очереди. Женщины говорили, что, может, капусту и не привезут, потому стояли только самые упорные. Все другие, простояв минут десять, уходили, обещая вернуться. Девочки тесно прижимались друг к дружке, топали озябшими ногами – ботинки были дареные, изношенные, тепла не держали.

– Надо было валенки надеть, – сказала Дуся.

– На валенках кошка спит, – отозвалась Ольга.

И они замолчали, наговорившись.

Минут через сорок пришел грузовик с капустой. Его долго разгружали, и девочки терпеливо ждали, пока начнут продавать. Им и в голову не приходило уйти без капусты.

Наконец сгрузили. Раскрылось зеленое окошко, продавщица начала отпускать. Очередь сразу разбухла. Прибежали все: и те, кто занимал, и те, кто не занимал. Девочки все оттеснялись и оттеснялись в хвост. Они давно продрогли. Временами шел не то дождь, не то снег. Платки их промокли, но пока еще грели. Только ноги вконец иззябли. Время уже перевалило за обеденное, и продавщица закрыла окошечко, когда девочки приблизились к нему вплотную. Стоявшая у прилавка тетка начала шуметь:

– Чего закрываешь, когда только открыли?

Но продавщица цыкнула на нее:

– Обед! – И ушла.

Прошел еще час. Свет стал убывать. Посыпал настоящий, слеplенный в крупные хлопья снег. Он покрывал сутулые спины людей и спины домов, и кучу бело-голубой, твердой даже на вид капусты. От белизны снега стало чуть веселее и вроде светлее.

Вернулась продавщица. Отпустила капусту тетке впереди девочек, и Дуська вытащила из кармана заветную трубочку, развернула ее – вместо десятки это была картинка с японцем. Она пошарила в кармане, ничего в нем больше не было. Ее охватил ужас.

– Тетенька! Я деньги потеряла! – закричала она. – По дороге потеряла! Я не нарочно!

Краснолицая продавщица, одетая, как капуста, во многие одежды, выглянула из своего окошка вниз, посмотрела на

Дусю и сказала:

– Беги домой! Возьми у мамки денег, я тебе без очереди отпущу.

Но Дуська не отходила.

– Дырка у меня! Я не нарочно! – ревела она.

Маленькая Ольга, понимая, что на них свалилось горе, тоже ревела.

– Иди, поищи, может, на дороге найдешь, – посоветовала темнолицая женщина из очереди.

– Как же, найдешь, – фыркнул одноглазый старик.

– Не задерживайтесь, чего зря болтать! Эй, девочка, отойди в сторону! – сказал кто-то третий.

Две сгорбленные девочки, по-деревенски замотанные платками, пошли в сторону дома, разгребая ногами кучи перемешанных со снегом и сумраком листьев, нагибались и рыли побелевшими пальцами в хрустящих водоворотах. Старшая горестно, по-взрослому, причитала:

– Горе ты мое! Что теперь с нами будет! Прогонит она нас, и куда мы пойдем!

Ольга, опустив вниз углы своего треугольного рта, вторила сестре:

– Куда пойдем...

Стемнело. Укрывши плечи мешком, они медленно брели к дому. Умненькая Дуся все думала, что бы такое сказать Ипатьевой, чтобы она их не прибила или, хуже того, не прогнала... Украла? Или отняли? Или еще чего? Сказать «по-

теряла» казалось ей совсем невозможным.

Ольга всхлипывала. Они подошли к повороту, остановились, собираясь перейти дорогу: деревенская робость перед машинами все еще оставалась в Дусе. Навстречу им неся грузовик, освещая фарами бежавший перед ним раскосый кусок брусчатки. Девочки стояли. Машина, не сбавляя ходу, резко повернула, под фонарем сверкнул бело-голубым сиянием ее груз – высоко вздыбившаяся над бортом капуста. Машина вильнула возле них, рванулась и поехала мимо, сбросив к их ногам два огромных кочана. Они крикнули, стукнувшись о дорогу. Один распался надвое, второй покатился, слегка подпрыгивая, прямо к ногам Ольги.

Они посмотрели друг на дружку – два светло-голубых изумленных глаза смотрели в другие, точно такие же. Сняли с плеч мешок, которым укрывались, сунули в него цельный кочан и тот, что распался. Дуся не могла взвалить на плечи мешок – был слишком тяжел. Они взялись за углы мешка. Вострая Дуся подложила под него картонку и они поволокли его...

Ипатьевой дома не было. Она сидела у подружки Кротовой, плакала, утирая слезы кривым ситцевым лоскутом:

– Шура, подумай, ведь два раза к ларьку бегала... Пропали, пропали девчоночки мои... Цыгане свели или кто...

– Да найдутся, кому они нужны-то? Сама подумай! – утешала ее Кротова.

– Девчоночки-то какие были! Золотые, ласковые... Как

же они без меня? А я-то, я-то как без них? – убивалась Ипатьева, комкая промокшую тряпочку.

А девочки в темноте выложили на стол капусту, сели, не раздеваясь, на стул и ждали...

Восковая уточка

Чаще всего – чуть не каждое воскресенье – старый Родион появлялся летом. Он шел всегда рядом с тележкой, которую везла большая костлявая лошадь. Остановившись посреди двора, он кричал громким голосом:

– Старье-берем!

Это «старье-берем» было вроде припева, потому что он еще длинно выпевал:

– Кости, тряпки, бумага, старая посуда, все берем!

Первыми его окружали ребята.

В задней части тележки горой лежало старье – мятая самоварная труба, остатки сапог, даже консервными банками старик не брезговал. А в передней части тележки всегда стоял фанерный чемодан.

Когда Родион раскрывал его, все замирали. Чемодан был полон драгоценностями. В тонкую картонку были вдеты легкие сережки с красными и зелеными камушками, маленькие колечки лежали навалом в банке из-под леденцов, воздушной кучкой вздымались чуть прозрачные раскрашенные восковые уточки, ослепительно сверкали большие стеклянные шары, в которых торжественно плавали рыбы и лебеди. Нашитые на бумажку пуговицы и разноцветные пряжи ниток волшебнo переливались под майским солнцем.

Валька Боброва прижималась к телеге и не отходила до конца представления. Ей нечего было принести Родиону. Однажды, в прошлом году, она отнесла было Родиону материн платок, но Нинка, старшая сестра, увидела, отняла и

вздула. Потом еще добавила и мать.

Вот Валька и стояла, жадно рассматривая сокровища, и прикидывала, чего бы она выбрала... На крупный товар, вроде шаров, она и не глядела – чтобы не тратить попусту желание. Она выбирала между колечком с зеленым камушком и одной уточкой. Уточка была немного попорченная, со вмятиной на крыле. И еще очень нравился наперсток – детский, маленький, он был единственным и лежал в коробке с иголками и пуговицами.

Торговля шла вяло. Пришла тетя Маруся, принесла луженую-перелуженую кастрюлю с дырявым дном. Просила пачку иголок. Родион дал одну – и она, ругая его за жадность на чем свет стоит, ушла в «крылатник», ту часть дома, где до войны жили одни Крыловы, а теперь пять семей.

Петька Разуваев принес старую шинель, но Родион не взял: отец тебе уши вырвет! Это была чистая правда.

Сашка Молокин принес три галоши, он подобрал их на майские праздники, после демонстрации, и хранил в ожидании Родиона. Он хотел шар с лебедями, но получил бумажный мячик на резинке, желто-розовый, и был доволен.

Потом подошел Шурка Турок, взрослый парень, что-то тихо сказал Родиону, тот кивнул. Шурка был дворовый вор, это все знали, но он был ловкий, никто его не словил.

Старуха Егорова принесла ватное одеяло. У нее в комнате случился пожар. Огонь загасили, но одеяло погорело. За остатки одеяла она просила у Родиона десяток больших чер-

ных пуговиц, но он жалел отдать их за горелое одеяло. Они долго торговались, и она ушла домой ни с чем.

Валька Боброва таращила круглые глаза и все запоминала. Память у нее была невиданная: она помнила за всю свою жизнь, кто что Родиону снес и что за это получил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.